

ЖИЗНЬ И ДНЕВНИК ДЭВИДА БРЕЙНЕРДА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Существует два способа представления и рекомендации миру истинной религии и добродетели; один - посредством доктрины и предписания; другой - посредством примера; и то, и другое в изобилии используется в Святых Писаниях. Не только основания, природа, замысел и важность религии ясно показана в доктринах Писания — её осуществление чётко очерчено и обильно предоставляется в своих повелениях и советах — но там у нас есть много превосходных примеров религии в её силе и практике, представленных пред нами, в истории как Ветхого, так и Нового Завета.

Иисус Христос, великий Пророк Божий, когда Он стал, будучи "Светом мира", учить и насаждать истинную религию в большей степени, чем когда-либо прежде, — использовал оба этих метода. В Своём учении Он не только провозгласил разум и волю Бога — природу и свойства той добродетели, которая становится созданиями нашего типа и в наших обстоятельствах — более чётко и полно, чем когда-либо прежде; и более мощно претворял это в жизнь тем, что Он провозгласил об обязательствах и побуждениях к святости; но Он также в Своей собственной практике дал самый совершенный пример добродетели, которой учил. Он явил миру такой выдающийся образец смирения, божественной любви, сдержанного рвения, самоотречения, послушания, терпения, смирения, силы духа, кротости, прощения, сострадания, благожелательности и вселенской святости, каких никогда не видели ни люди, ни ангелы.

Бог также в Своём провидении имел обыкновение использовать оба этих метода, чтобы нести свет человечеству и побуждать его к исполнению своего долга во все века. Время от времени Он поднимал выдающихся учителей, чтобы они демонстрировали истину и приносили свидетельство об Истине через своё учение, и противостояли ошибкам, тьме и порочности мира; и Он также возвысил некоторых выдающихся личностей, которые осветили примеры той религии, которой учат и предписывают в Слове Божьем; примеры которой в ходе божественного провидения были выставлены на всеобщее обозрение. Они имеют большую тенденцию как привлекать внимание людей к преподаваемым доктринам и правилам, так и также подтверждать и обеспечивать их соблюдение; особенно когда эти яркие примеры были продемонстрированы на примере тех же людей, которые были выдающимися учителями. Таким образом, мир получил возможность увидеть подтверждение истинности, действительности и дружелюбия религии, которой учат на практике те же люди, которые наиболее чётко осознали и усиленно учили этому; и, прежде всего, когда эти яркие примеры были приведены выдающимися учителями в различных необычных обстоятельствах замечательного испытания; и когда Бог к тому же примечательно отличил их, добившись замечательного успеха в их наставлениях и трудах.

Такой пример мы имеем в лице замечательного человека, чья жизнь опубликована на следующих страницах. Его пример связан с множеством обстоятельств, которые не могут не привлечь внимание верующих, особенно в этих частях света. Он был наделён выдающимися природными способностями, о чём свидетельствуют все, кто был с ним знаком. Как служитель Евангелия, он был призван к необычному служению. Его служение сопровождалось весьма примечательными и необычными событиями. Его религиозный путь начался ещё до того, как в обществе начались чрезвычайные религиозные волнения; и всё же он не был праздным зрителем, но был близок ко многим вещам, которые происходили в то время. У него было очень обширное знакомство с теми, кто был объектом недавних религиозных действий в некоторых местах очень далёких, у людей разных наций, по образованию, манерам и обычаям. У него была особая возможность познакомиться с ложной видимостью и подделкой религии; он был инструментом самого замечательного пробуждения, чудесного и постоянного изменения и моральной трансформации субъектов, которые особым образом передают перемены редкие и удивительные.

Из нижеследующего повествования читатель сможет узнать не только о внешних обстоятельствах и примечательных событиях из жизни этого человека, о том, как он проводил время изо дня в день, о его внешнем поведении, но и о том, что происходило в его душе. Читатель увидит, какие удивительные перемены произошли в его сознании и характере, как эти перемены происходили, как они продолжались, каковы были их последствия для его внутреннего мира, мыслей, чувств и тайных занятий, через какие перипетии и испытания ему пришлось пройти за восемь с лишним лет.

Читатель также увидит, как всё, наконец, закончилось, в своих чувствах, рамках и поведении в течение длительного периода постепенного и осознанного приближения смерти в условиях затяжной болезни; и каковы были влияние его религии при умирании или на последних стадиях его болезни. Поскольку это свидетельство написано, читатель может иметь возможность на досуге сравнить различные части истории, и обдуманно просмотреть и взвесить всё в целом, а также оценить, насколько далеко то, что описано, согласуется с требованиями здравого смысла и святого Слова Божьего.

Я далёк от предположения, что внутренние упражнения мистера Брейнерда и жизненный опыт или его внешнее поведение были свободны от всех несовершенств. Пример Иисуса Христа - единственный пример, который когда-либо существовавший в природе человека как совершенно совершенный; что, следовательно, является правилом для проверки всех других примеров; и диспозиции, рамки и действия других людей не должны заслуживать похвалы и следовать им стоит не более, чем они были последователями Христа.

В мистере Брейнерде есть одна черта, легко различимая по следующему свидетельству о его жизни, которую можно назвать несовершенством в нём самом, которая, хотя и не является собственно моральным несовершенством по природе, и всё же — возможно, могут быть выдвинуты возражения против необычайных проявлений религиозности и набожности в нём со стороны тех, кто ищет возражения против всего, что может быть произведено в благосклонность к истинной жизненной религии; и это означает, что он был, по своей конституции и природному темпераменту, настолько склонен к меланхолии и унынию духа. Некоторые считают, что всякая серьёзная строгая религия — это меланхолия и что так называемый христианский опыт — не более чем меланхолические испарения, которые тревожат разум и будоражат воображение. Но этот характер или конституция мистера Брейнерда, склонявшие его к унынию, не являются справедливыми основанием подозревать, что его необычайная преданность была всего лишь плодом пылкого воображения. Я не сомневаюсь, что все, кто хорошо наблюдал за человечеством, с готовностью согласятся, что не все, кто по своему естественной конституции или характеру наиболее склонны к унынию, наиболее восприимчивы к живым и сильным впечатлениям в своём воображении, или наиболее подвержены тем неистовым привязанностям, которые являются плодами таких впечатлений. Но они должны хорошо знать, что многие из тех, кто от природы очень весел и сангвиник, в гораздо большей степени подвержены энтузиазму, чем многие из тех, кто от природы угрюм и меланхоличен. Что касается мистера Брейнерда, в частности, несмотря на его склонность к унынию, он был очевидно одним из тех, кто обычно наиболее далёк от буйного воображения; обладающий пронизательным гением, ясной мыслью, рассудительностью и очень точным суждением; как известно всем, кто его знал. Поскольку он обладал глубоким пониманием человеческой природы и был очень пронизательный и рассудительный в целом; поэтому он преуспел в своих суждениях и знаниях в области богословия, но особенно в вещах, относящихся к внутренней экспериментальной религии. Он наиболее точно различал между настоящим, прочным благочестием и энтузиазмом; между теми привязанностями, которые рациональны и соответствуют Писанию, имея своим основанием свет и суждения — и теми, которые основаны на причудливом тщеславии, сильно воздействующие на воображение и возбуждающие бурные эмоции животного духа. Он был чрезвычайно восприимчив к людям, имеющим подверженность к этим вещам; насколько они преобладали и что множество людей были обмануты ими; об их пагубных последствиях и ужасном зле, которое они причинили в христианском мире. Он испытывал сильное отвращение к такой религии и изобиловал свидетельствами против неё, живя

и умирая; и быстро распознавал, когда возникало что-либо подобного рода, хотя и в своём первом зарождении и появлении под самыми честными и правдоподобными масками. У него был талант описывать различные аспекты этой воображаемой, восторженной религии, демонстрируя её фальшь и тщеславие, и показывать огромную разницу между этим и истинной духовной преданностью, равной которой я едва ли когда-либо знал в ком-либо человеке.

Его рассудительность проявлялась не только в умении отличать переживания других людей от своих собственных, но и в умении различать различные проявления своего собственного разума, в особенности в том, что касалось меланхолии, в чём он превосходил всех меланхолических людей, которых мне доводилось знать. Это, несомненно, было связано с особой силой его суждений, ведь на самом деле редко бывает так, чтобы меланхолики хорошо осознавали бы свою болезнь и были полностью убеждены в том, что именно она является причиной тех или иных явлений, а также их подлинных проявлений и последствий. Мистер Брейнерд не сразу достиг такого уровня рассудительности, а шёл к нему постепенно, о чём читатель может судить по нижеследующему описанию его жизни. В начале своего религиозного пути он приписывал мрачность и мрачные мысли духовному отступничеству, хотя во второй половине жизни он уже отчётливо понимал, что они вызваны меланхолией. Поэтому в своём дневнике он часто прямо указывает на то, что они были вызваны этой причиной. В разговорах он часто упоминал о разнице между меланхолией и благочестивой скорбью, истинным смирением и духовным отступничеством, а также о том, как опасно путать одно с другим, и о пагубной природе меланхолии. Он рассуждал об этом с большой осмотрительностью и, несомненно, гораздо более здраво, чем можно было бы предположить, исходя из его собственного опыта.

Но помимо того, что можно сказать о рассудительности мистера Брейнерда, из его дневника видно, что он не был человеком с богатым воображением. Его внутренние переживания, будь то в период убеждений или обращения, а также его религиозные взгляды и впечатления на протяжении всей жизни не были вызваны яркими и живыми образами, возникавшими в его воображении. В его дневнике нет ни одного упоминания об этом. На смертном одре он сказал мне, что, хотя однажды, когда он был ещё очень молод и неопытен, его ввели в заблуждение, заставив высоко ценить подобные вещи, считая их высшими достижениями в религии, недостижимыми для него, он стремился к ним и усердно искал их, но так и не смог обрести. Более того, он заявил, что за всю свою жизнь ни одна внешняя форма, ни одна внешняя слава и ничего подобного не производили на него сильного впечатления, в отличие от людей, охваченных энтузиазмом.

Религиозные впечатления, взгляды и чувства мистера Брейнерда по своей природе были совершенно отличны от энтузиазма, и его влияние на мистера Брейнерда было прямо противоположным. Ничто так не превозносит людей, не внушает им гордыню, не заставляет их считать себя мудрецами, святыми, избранными и самодостаточными, не делает их дерзкими, напористыми, самонадеянными и высокомерными. Но читатель увидит, что религия мистера Брейнерда постоянно настраивала его на самое низкое мнение о себе, на смиренное осознание собственной крайней греховности, несовершенства, бесполезности и невежества. Он считал себя хуже других, был склонен к всеобщей доброжелательности и кротости, почитал других и относился ко всем с добротой и уважением. А когда его одолевала меланхолия, то, хотя её последствия были весьма пагубными для него, она не приводила к тому, что бывает при энтузиазме, а вызывала мрачные и обескураживающие мысли о том, что он невежествен, грешен и совершенно не годен для служения в церкви и даже для того, чтобы появляться на людях. Действительно, в упомянутое выше время, когда он ещё не научился отличать энтузиазм от истинной веры, он общался с людьми, в значительной степени подверженными первому. Какое-то время он разделял с ними их взгляды и поведение, хотя, как уже отмечалось, не мог достичь того, в чём заключался их энтузиазм, и поэтому не мог стать таким же, как они, в этом отношении, как бы он ни стремился к этому. Но, конечно, не стоит удивляться тому, что юноша, новообращённый, чьё сердце было всецело отдано религии и который так искренне желал своего духовного расцвета, но при этом имел так мало возможностей для чтения, наблюдений и опыта,

на какое-то время был ослеплён и обманут яркими проявлениями ложной преданности и рвения, особенно учитывая необычные обстоятельства того времени. На смертном одре он сказал мне, что, оказавшись в таких обстоятельствах, он был не в своей тарелке и поступал жестоко по отношению к самому себе, подчиняясь людям, охваченным яростным и необдуманном рвением, из-за своего глубокого почтения к тем, кого он считал лучше себя. Поэтому было бы крайне неразумно считать его тогдашнее заблуждение достаточным основанием для предубеждения против всей его религии и его личности в целом, особенно учитывая, как сильно он вскоре изменил своё мнение и как сильно впоследствии сожалел о своём заблуждении и ненавидел себя за своё необдуманное рвение и недостойное поведение, что привело к разрыву его сердца и почти к истощению его природной силы. Читатель увидит, с каким христианским духом он осуждал себя за это недостойное поведение.

То, что было сказано о мистере Брейнерде, не только не является веским основанием для предубеждения против того, о чём рассказывается в нижеследующем повествовании о его жизни, но и, если вдуматься, делает эту историю ещё более ценной. Ведь, вступив на какое-то время в ряды энтузиастов, он ближе познакомился с тем, что присуще этому религиозному течению, и, таким образом, получил возможность лучше понять разницу между ним и тем, что он в конце концов одобрил и всячески стремился продвигать в противовес этому. Таким образом, у читателя появляется ещё больше оснований поверить в то, что мистер Брейнерд, выступая против этого течения, а также против духа и поведения тех, кто находится под его влиянием, говорит из искренних убеждений, а не из предубеждений, поскольку в своих трудах он открыто осуждает свои прежние взгляды и поведение, из-за которых он сильно пострадал от своих оппонентов и за которые некоторые продолжали упрекать его до конца его жизни.

Ещё одним недостатком мистера Брейнерда, который можно заметить из нижеследующего описания его жизни, было то, что он слишком усердствовал в своих трудах, не соотнося свои силы с нагрузкой. На самом деле обстоятельства часто складывались так, что по велению Провидения ему было крайне трудно не делать больше, чем позволяли его силы. Более того, обстоятельства его жизни и служения среди индейцев были таковы, что большие нагрузки и трудности были практически неизбежны. Однако в конце концов он пришёл к выводу, что ошибался в этом вопросе и что ему следовало быть более осмотрительным и решительным в противостоянии соблазнам, которые могли подорвать его здоровье. Поэтому он предупредил своего брата, который должен был продолжить его миссию, чтобы тот не повторял его ошибку.

Помимо уже упомянутых недостатков, следует признать, что у него были и другие, которые проявлялись на протяжении всей его жизни и были связаны со всеми его религиозными чувствами и практиками. Это была смесь естественного и духовного, как и у самых праведных святых в этом мире. Несомненно, природный темперамент оказывал некоторое влияние на религиозные практики и переживания мистера Брейнерда, как это было, например, у благочестивого Давида и апостолов Петра, Иоанна и Павла. Несомненно, его природная склонность к унынию часто проявлялась в его религиозном трауре, в смешении меланхолии с истинно благочестивой скорбью и подлинным христианским смирением, в смешении естественного юношеского пыла со святым рвением в служении Богу, а также в смешении естественных принципов с благодатью в различных других аспектах, как это было и будет у святых на этой стороне рая. Возможно, никто не осознавал несовершенства мистера Брейнерда так хорошо, как он сам, и никто не мог точнее, чем он, отличить естественное от духовного. Внимательный читатель легко заметит, что его добродетели созревали, религиозные переживания становились всё более и более чистыми, а суждения — всё более и более зрелыми по мере того, как он жил. Ему было чему поучиться и что очистить в себе, и он не упустил возможности воспользоваться этим преимуществом.

Но, несмотря на все эти недостатки, я убеждён, что каждый благочестивый и здравомыслящий читатель признаёт, что представленное здесь — это действительно выдающийся пример истинного и безупречного христианского благочестия в сердце и на деле, что в значительной

степени подтверждает реальность живой религии и силу благочестия. Это достойно подражания и во многом может принести духовную пользу внимательному читателю.

Читателю следует знать, что мистер Брейнерд писал в своём дневнике, из которого в основном и взят приведенный ниже рассказ о его жизни, только для себя, а не для того, чтобы снискать славу и признание в обществе, и не для того, чтобы мир когда-либо увидел эти записи — ни при его жизни, ни после смерти. За исключением нескольких строк, которые он написал в предсмертном состоянии, после того как его с большим трудом удалось убедить не уничтожать все свои личные записи. Он был категорически против публикации какой бы то ни было части своего дневника после смерти, а когда стало известно, что он умирает в Бостоне, он издал строжайший приказ, запрещающий публикацию. Но когда некоторые из его друзей убедили его отменить этот строгий и абсолютный запрет, он в конце концов согласился на то, чтобы «его бумаги остались в моих руках, и я мог распорядиться ими так, как, по моему мнению, будет лучше всего для славы Божьей и интересов религии».

Но за несколько дней до смерти он приказал уничтожить часть своего дневника, из-за чего описание его жизни стало менее полным. Кроме того, ради краткости в дневник не вошли некоторые записи, которые, я уверен, значительно обогатили бы историю, если бы были включены в неё. В частности, это касается рассказа о его невероятных успехах среди индейцев, который по сути своей в его личном дневнике совпадает с тем, что уже было опубликовано в журнале, который он вёл по поручению Шотландского общества для их информирования. Я считаю, что этот рассказ был бы более увлекательным и полезным, если бы был опубликован в том виде, в каком он представлен в дневнике, в связи с его тайными религиозными воззрениями и внутренними размышлениями, а также в связи с предшествующими и последующими событиями его жизни. Но поскольку этот рассказ уже был опубликован, я не стал включать его в книгу. Однако этот недостаток в значительной степени компенсируется частью, которая была опубликована в журнале. Но пора заканчивать предисловие, чтобы не отвлекать читателя от самой истории.

Джонатан Эдвардс

Примечание: те части "Последующей жизни" и "Дневника", которые не выделены кавычками, являются словами издателя, Эдвардса. Они содержат содержание «Дневника» мистера Брейнерда за указанное время. Благодаря этому подходу предотвращены ненужные повторения.

ЧАСТЬ I

С момента своего рождения и до того времени, когда он начал учиться для служения

Г-н Дэвид Брейнерд родился 20 апреля 1718 года в Хаддаме - город Хартфорд, штат Коннектикут, Новая Англия. Его отцом был почитаемый Езекия Брейнерд, эсквайр, один из членов совета его Величества по этой колонии; который был сыном Дэниела Брейнерда, эсквайра, мирового судьи и дьякона «Церкви Христа» в Хаддаме. Его матерью была миссис Дороти Хобарт, дочь преподобного мистера Джеремайи Хобарта, который некоторое время проповедовал в Топсфилде, затем переехал в Хемпстед на Лонг-Айленде, а после — из-за того, что многие стали квакерами, а другие были настолько нерелигиозны, что не желали поддерживать евангелие, — поселился в Хаддаме, где и умер на 85-м году жизни. Он отправился на публичное богослужение до полудня и умер в своём кресле между собраниями. Этот преподобный джентльмен был сыном преподобного Питера Хобарта; который был первым служителем евангелия в Хингеме, в графстве Норфолк в Англии; и из-за преследований пуритан переехал со своей семьей в Новую Англию, и был устроен в служении в Хингеме, в Массачусетсе. У него было пятеро сыновей, а именно: Джошуа, Иеремия, Гирсом, Иафет и Неемия. Его сын Джошуа был священником в Саутхолде на Лонг-Айленде. Иеремия был дедушкой мистера Дэвида Брейнерда, священником в Хаддаме и т. д., как уже упоминалось. Гершом был священником в Гротоне, штат Коннектикут. Иафет был врачом. Он отправился в Англию в качестве корабельного врача (ещё до того, как получил вторую

степень в колледже) и собирался оттуда отправиться в Ост-Индию, но больше о нём ничего не было слышно. Неемия когда-то был членом Гарвардского колледжа, а затем священником в Ньютоне в Массачусетсе. Мать миссис Дороти Хобарт (которая впоследствии стала Брейнерд) была дочерью преподобного Сэмюэля Уайтинг, служителя Евангелия, сначала в Бостоне в Линкольншире, а затем в Линне в Массачусетсе, Новая Англия. У него было трое сыновей, которые были служителями Евангелия.

Дэвид Брейнерд был третьим сыном у своих родителей. У них было пятеро сыновей, и четыре дочери. Их старший сын Езекия Брейнерд, эсквайр и мировой судья, и в течение нескольких последних лет представитель города Хаддам в генеральной ассамблее колонии Коннектикут; вторым был преподобный Неемия Брейнерд, достойный служитель в Истбери в Коннектикуте, умер от чахотки 10 ноября 1742 г.; четвёртый - мистер Джон Брейнерд, который сменил своего брата Дэвида на посту миссионерства среди индейцев и пастор той же христианской церкви для индейцев в Нью-Джерси; и пятым был Израэль, в последнее время студент Йельского университета колледжа в Нью-Хейвене, который умер после своего брата Дэвида. — Миссис Дороти Брейнерд, прожив около пяти лет вдовой, умерла, когда её сыну, о жизни которого я собираюсь рассказать, было около четырнадцати лет: так что в юности он остался и без отца, и без матери. Какой отчёт он дал о себе и своей собственной жизни, можно увидеть из нижеследующего.

«С юных лет я был довольно рассудителен и склонен скорее к меланхолии, чем к противоположному полюсу. Но я не припомню, чтобы меня когда-либо посещало чувство вины за какой-либо грех, заслуживающее внимания, пока мне не исполнилось, по-моему, семь или восемь лет. Тогда я начал беспокоиться о своей душе, меня пугали мысли о смерти, и я стал молиться, но это занятие казалось мне таким печальным, что отбивало у меня охоту играть. И хотя, увы, это религиозное рвение длилось недолго, я иногда тайком молился и таким образом жил «в Сионе, в покое, без Бога в мире» и, насколько я помню, без особых тревог, пока мне не исполнилось тринадцать с лишним лет. Но однажды зимой 1732 года я, сам не знаю как, вышел из состояния плотской беспечности. Меня сильно встревожила смертельная болезнь, которой заболел Хаддам. Я часто, регулярно и с некоторым рвением исполнял свои молитвы и с удовольствием читал, особенно «Знак для детей» мистера Джейнвея. Иногда я с головой погружался в свои молитвы и получал от них огромное удовольствие. Иногда я надеялся, что обращён или, по крайней мере, на пути к обращению, которое сулит мне рай и счастье, хотя и не знал, что такое обращение. Дух Божий в то время был со мной. Я был совершенно равнодушен к миру, и все мои мысли были сосредоточены на заботе о душе. Я действительно могу сказать, что «почти уверовал в христианство». Я был очень расстроен и подавлен смертью матери в марте 1732 года. Но со временем моё религиозное рвение начало ослабевать, и постепенно я снова впал в состояние плотской беспечности, хотя по-прежнему тайком молился.

Примерно 15 апреля 1733 года я переехал из отцовского дома в Ист-Хаддам, где прожил четыре года, но по-прежнему «без Бога в мире», хотя по большей части совершал свои тайные молитвы. Я не был особо склонен к шумным развлечениям, но знаю, что, когда я всё же оказывался в такой компании, я никогда не возвращался с такой же чистой совестью, как в начале. Это всегда добавляло мне новых грехов, заставляло бояться предстать перед престолом благодати и портило те благие намерения, которыми я иногда себя ублажал. Но, увы, все мои благие намерения были лишь самодовольством, не основанным на стремлении прославить Бога.

Примерно в конце апреля 1737 года, когда мне исполнилось девятнадцать лет, я переехал в Дарем, чтобы работать на своей ферме, и прожил там около года. От природы я был склонен к гуманитарным наукам и часто мечтал о получении образования. Когда мне было около двадцати лет, я начал учиться и с ещё большим рвением занялся религиозными обязанностями. Я стал очень строгим и бдительным в отношении своих мыслей, слов и поступков. Я считал, что должен быть очень сдержанным, ведь я собирался посвятить себя служению, и думал, что посвятил себя Господу.

Где-то в апреле 1738 года я переехал к мистеру Фиске и жил у него до конца его жизни. Помню, он посоветовал мне полностью отказаться от общения с молодежью и окружить себя серьёзными пожилыми людьми. Я последовал этому совету. Мой образ жизни стал более размеренным и религиозным, насколько это было возможно. Я перечитывал Библию более двух раз за год, каждый день много времени уделял молитве и другим тайным обрядам, внимательно слушал проповеди и изо всех сил старался их запомнить. Религия занимала в моей жизни такое важное место, что я договорился с несколькими молодыми людьми о тайных встречах по воскресеньям вечером для религиозных упражнений. Я искренне исполнял эти обязанности, а после наших встреч повторял про себя проповеди, которые слышал в тот день, вспоминая всё, что мог, даже очень поздно вечером. Иногда по утрам в понедельник я вспоминал те же проповеди. Я испытывал сильное чувство благоговения перед своими религиозными обязанностями и часто подумывал о том, чтобы присоединиться к церкви. В общем, я вёл праведную жизнь и полностью посвящал себя своим обязанностям, хотя и не осознавал этого.

После смерти мистера Фиске я продолжил обучение вместе с братом. Я по-прежнему был очень ревностен в исполнении религиозных обязанностей и часто удивлялся легкомыслию профессоров. Меня огорчало, что они так небрежно относятся к религиозным вопросам. Так я довольно долго продержался на этой самодовольной позиции, и всё бы пошло прахом, если бы не милость Божья.

Где-то в начале зимы 1738 года, в одно воскресное утро, когда я вышел из дома, чтобы исполнить какое-то тайное поручение, Богу было угодно внезапно дать мне такое осознание моей опасности и гнева Божьего, что я застыл в изумлении, а все мои прежние благие намерения, которыми я тешил себя, тут же испарились. Осознав свой грех и порочность, я весь день пребывал в печали, опасаясь, что вскоре меня настигнет Божья кара. Я был очень подавлен, почти ни с кем не общался и порой завидовал птицам и зверям, которые, как мне казалось, не обречены на вечные страдания, в отличие от меня. Так я жил изо дня в день, часто пребывая в глубоком отчаянии. Иногда передо мной словно вырастали горы, преграждавшие путь к надежде на милосердие, и работа по обращению казалась такой непосильной, что я думал, что никогда не стану её участником. Однако я молился, взывал к Богу и с большой искренностью исполнял другие свои обязанности, надеясь, что каким-то образом смогу улучшить ситуацию.

И хотя я сотни раз отрекался от всех притязаний на какую бы то ни было ценность своих обязанностей, как мне казалось, даже во время их исполнения, и часто признавался Богу, что не заслуживаю ничего, кроме вечного осуждения, даже за самые лучшие из них, всё же втайне надеялся, что мои религиозные обязанности помогут мне заслужить расположение Бога. Когда я молился с любовью и моё сердце, казалось, в какой-то мере смягчалось, я надеялся, что это тронет Бога и Он сжалятся надо мной. Тогда мои молитвы казались мне в какой-то мере благочестивыми, и мне казалось, что я скорблю о грехе. И тогда я мог в какой-то мере уповать на милосердие Бога во Христе, как мне казалось, хотя в основе моей надежды лежало представление о том, что моё сердце смягчается, что в моих чувствах к долгу, в моих чрезвычайных усилиях и т. д. есть что-то благочестивое. И хотя порой врата казались мне такими узкими, что войти в них было практически невозможно, иногда я льстил себе, думая, что это не так уж трудно, и надеялся, что благодаря усердию и бдительности я скоро добьюсь своего. Иногда после того, как я с головой погружался в свои обязанности и испытывал сильные чувства, я надеялся, что сделал хороший шаг к спасению. Мне казалось, что Бог чувствует то же, что и я, и что Он слышит мои искренние мольбы, как я их называл. И поэтому иногда, когда я уединялся для тайных молитв в глубоком отчаянии, я возвращался успокоенным и таким образом исцелял себя своими обязанностями.

Где-то в феврале 1739 года я выделил один день для тайного поста и молитвы. Весь этот день я почти без перерыва молил Бога о милосердии, о том, чтобы Он открыл мне глаза и я увидел зло греха и путь жизни через Иисуса Христа. И в тот день Бог был милостив ко мне и открыл мне многое в моём сердце. Но я по-прежнему доверял всем своим обязанностям, хотя в них не было

ничего хорошего, в них не было ни почтения к славе Божьей, ни какого-либо подобного принципа в моём сердце. Тем не менее в тот день Бог был милостив ко мне и показал мне мою беспомощность.

Иногда я испытывал сильное воодушевление и воображал, что Бог любит меня и доволен мной, и думал, что скоро полностью примирюсь с Ним. Но всё это было основано на самонадеянности, вызванной чрезмерным усердием в исполнении долга, приливом чувств, какими-то благими намерениями и тому подобным. А когда временами меня охватывало сильное отчаяние при виде собственной порочности, наготы и неспособности освободиться от власти Бога, я старался не думать о том, что не мог вынести. Однажды, помню, меня охватило отчаяние, и мысли о том, чтобы отречься от себя и предстать перед Богом нагим, лишённым всех добродетелей, были для меня настолько ужасны, что я был готов сказать им, как Феликс сказал Павлу: «Ступай с глаз моих». Поэтому, хотя я ежедневно стремился к большему осознанию своего греха, полагая, что для исцеления мне лучше видеть своё ужасное состояние, но когда я открывал для себя своё порочное, адское сердце, это зрелище было настолько ужасным и так ясно показывало, что я обречён на вечные муки, что я не мог этого вынести. Я постоянно стремился соответствовать тем качествам, которые, как мне казалось, были у других до того, как они приняли Христа, чтобы заслужить Его благосклонность. Иногда я ощущал силу своего ожесточенного сердца и думал, что оно должно смягчиться, прежде чем Христос примет меня. А когда я чувствовал, что сердце моё смягчается, я надеялся, что дело почти сделано. Поэтому, когда отчаяние не покидало меня, я роптал на то, как Бог поступает со мной, и думал, что, когда сердца других смягчаются, Бог проявляет к ним милосердие, но моё отчаяние не проходило.

Иногда я становился беспечным и вялым, подолгу не испытывал угрызений совести, но после такого периода они наваливались на меня с новой силой. Помню, как однажды ночью, когда я в одиночестве бродил по улице, мне открылось такое видение моего греха, что я испугался, как бы земля не разверзлась у меня под ногами и не стала моей могилой, а душа не отправилась напрямик в ад, не успев добраться до дома. И хотя мне пришлось лечь в постель, чтобы никто не заметил моего смятения, чего я очень боялся, я едва осмеливался сомкнуть глаза, потому что думал, что если утром я не окажусь в аду, то это будет настоящим чудом. И хотя порой я испытывал сильнейшее смятение, я очень боялся, что угрызения совести исчезнут и я снова стану беспечным и нечувствительным к надвигающемуся гневу Божьему. Из-за этого я был очень осторожен в своих поступках, чтобы не подавить в себе движения Святого Духа Божьего. Когда я оценивал свои угрызения совести и считал, что они достаточно сильны, я полагался на них, но эта уверенность и надежда на то, что вскоре я добьюсь заметных успехов на пути к спасению, успокаивали меня, и я снова становился беспечным и вялым. Но когда я замечал, что угрызения совести ослабевают, и думал, что они вот-вот покинут меня, это сразу же тревожило и расстраивало меня. Иногда я рассчитывал сделать большой шаг на пути к обращению, воспользовавшись какой-то конкретной возможностью или средством, которые я имел в виду.

Из-за многочисленных разочарований, сильных душевных терзаний и сомнений, с которыми я сталкивался, я впал в самое ужасное состояние, в котором я спорил со Всевышним, с внутренней яростью и ожесточением критикуя Его методы обращения с человечеством. Я был крайне недоволен тем, что грех Адама был вменён его потомкам, и моё порочное сердце часто жаждало иного пути спасения, кроме как через Иисуса Христа. Подобно бурному морю, я был в смятении и пытался найти способ избежать гнева Божьего. У меня были странные замыслы, полные атеизма, — я пытался разрушить Божьи замыслы и решения, касающиеся меня, или ускользнуть от Его внимания и спрятаться от Него. Но когда я приходил в себя и понимал, что все эти замыслы тщетны и не принесут мне облегчения, я впадал в самое ужасное состояние, желая, чтобы Бога не было или чтобы существовал какой-то другой Бог, который мог бы управлять Им и т. д. Эти мысли и желания были тайными стремлениями моего сердца, которые часто проявлялись помимо моей воли. Но, увы, они были моими, хотя я и пугался, когда начинал размышлять о них. Когда я задумывался об этом, мне становилось не по себе от мысли, что моё сердце исполнено вражды к Богу, и я трепетал от страха, что на меня внезапно обрушится Его кара. Раньше я думал, что моё

сердце не так плохо, как о том говорится в Писаниях и некоторых других книгах. Иногда я прилагал немало усилий, чтобы привести его в порядок, смирить и подчинить, и надеялся, что во мне есть что-то хорошее. Но внезапно мысли о строгости закона или о всевластии Бога так разжигали порочность моего сердца, за которой я так тщательно следил и которую, как я надеялся, привёл в порядок, что она вырывалась из всех оков и разливалась во все стороны, как вода, прорвавшая дамбу.

Осознавая необходимость глубокого смирения для спасительного единения со Христом, я старался взрастить в своём сердце убеждения, необходимые для такого смирения. Например, убеждение в том, что Бог был бы справедлив, если бы отверг меня навсегда; что если бы Бог когда-нибудь и смилостивился надо мной, то это была бы просто милость, хотя бы потому, что сначала я много лет пребывал в бедственном положении и никогда не был предан долгу; что Бог ни в малейшей степени не обязан жалеть меня за все мои прошлые заслуги, мольбы, слёзы и т. д. Я изо всех сил старался прийти к твёрдому убеждению в этом и искренне согласиться с ним. Я надеялся, что теперь я отрешился от себя, по-настоящему смирился и склонился перед Божественной властью. В своих молитвах я обычно говорил Богу, что теперь у меня именно те душевные качества, которые Он требует и в которых Он проявляет милосердие к другим, и просил Его о милосердии для меня. Но когда я не получал облегчения и меня по-прежнему терзали чувство вины и страх перед гневом Божиим, моя душа приходила в смятение, а сердце восставало против Бога за то, что Он так сурово со мной поступает. Но тут моя совесть давала о себе знать, напоминая мне о том, как я недавно признался Богу в том, что Он справедлив в Своём осуждении меня и т. д. И это, напоминая мне о порочности моего сердца, снова повергало меня в уныние. Я жалел, что не следил за своим сердцем более пристально, чтобы оно не восставало против того, как Бог со мной поступает. Я даже жалел, что просил о милосердии из-за своего смирения, потому что тем самым я утратил всю свою мнимую добродетель. Так, десятки раз я тщетно воображал, что смирился и готов к спасительному милосердию. И пока я пребывал в этом подавленном, растерянном и смятенном состоянии, порочность моего сердца особенно раздражалась из-за следующих вещей.

1. Строгость Божественного закона. Я обнаружил, что, несмотря на все мои усилия, мне не под силу соответствовать Его требованиям. Я часто давал себе новые обещания и так же часто их нарушал. Я списывал всё на беспечность и недостаточную бдительность и называл себя глупцом за свою небрежность. Но когда, несмотря на более решительные намерения, усердные старания и усердный пост и молитву, я видел, что все мои попытки терпят неудачу, я начинал роптать на закон Божий, считая его неоправданно суровым. Я думал, что если бы он касался только моих внешних поступков и поведения, то я бы с ним смирился, но оказалось, что он осуждает меня за дурные помыслы и грехи моего сердца, которых я никак не мог избежать. Мне было крайне тяжело признавать свою полную беспомощность в этом вопросе, но после череды разочарований я решил, что, по крайней мере, могу сделать ещё что-то, прежде чем погибну, особенно если обстоятельства будут благоприятствовать моим стараниям и усилиям. Я надеялся, что буду стараться усерднее, чем когда-либо, если дело дойдет до крайности, хотя мне никогда не удавалось найти время, чтобы сделать всё возможное так, как я задумал. Эта надежда на то, что в будущем обстоятельства сложатся более благоприятно и я смогу совершить что-то великое, удерживала меня от полного отчаяния и от мысли о том, что я попал в руки всемогущего Бога и не могу рассчитывать ни на что, кроме Его безграничной милости.

2. Во-вторых, я понял, что условием спасения является только вера; что Бог не снизойдёт до того, чтобы оправдывать мои надежды, и не пообещает мне жизнь и спасение в ответ на мои искренние и сердечные молитвы и старания. Слова из Марка 16:16: «кто не будет веровать, осуждён будет» лишали меня всякой надежды. Я понял, что вера — это суверенный дар Божий, что я не могу обрести её сам и не могу заставить Бога даровать её мне какими-либо своими поступками (Еф. 2:1, 8). Я был готов сказать, что это суровое утверждение, и кто бы его вынес? Я не мог смириться с тем, что всё, что я делал, было напрасно, хотя я был очень добросовестен в исполнении молитв, долгое время был чрезвычайно религиозен и, как мне казалось, сделал

гораздо больше, чем многие другие, кто обрёл милость. Я признавал, что мои молитвы были ничтожны, но в то время ничтожными они казались мне из-за моих блуждающих мыслей, а не из-за того, что я был осквернён, как дьявол, и что во мне не было ничего чистого, из чего могли бы проистекать эти мысли, так что я не мог делать ничего хорошего. Поэтому я называл то, что делал, честными и искренними стараниями и не мог смириться с тем, что Бог не обещал мне за них спасения.

3. Кроме того, я не мог понять, что такое вера и что значит уверовать и прийти ко Христу. Я читал призывы Христа к усталым и обременённым, но не мог найти пути, по которому Он призывал их прийти. Я думал, что с радостью пришёл бы, если бы знал как, хотя путь долга никогда ещё не был таким трудным. Я прочёл «Путеводитель ко Христу» мистера Стоддарда (который, как я верю, по воле Божьей стал счастливым средством моего обращения в веру), и моё сердце воспротивилось автору. Несмотря на то, что он говорил мне о моём сердце, которое всё это время было полно убеждений, и, казалось, давал мне полезные советы, здесь он потерпел неудачу: он не подсказал мне, что я могу сделать, чтобы прийти ко Христу, и оставил меня наедине с огромной пропастью, без каких-либо указаний, как её преодолеть. Ибо я ещё не осознал на собственном опыте, что не существует предписанного пути, по которому человек с естественными способностями мог бы своими силами обрести то, что является сверхъестественным и чего не может дать даже высший ангел.

4. Ещё одна вещь, против которой я внутренне восставал, — это верховная власть Бога. Я не мог смириться с тем, что спасение или проклятие моей души полностью зависит от воли Бога.

Этот отрывок из Римлянам 9:11–23, был для меня постоянным источником огорчения, особенно стих 21. Чтение или размышление над ним всегда сводило на нет все мои благие начинания. Когда мне казалось, что я почти смирился и почти покорился, этот отрывок пробуждал во мне враждебность по отношению к Божьей власти. Когда я размышлял о своей внутренней враждебности и богохульстве, которые проявлялись в таких случаях, я ещё больше боялся Бога и всё дальше отходил от надежды на примирение с Ним. Я видел себя в таком ужасном свете, что ещё больше страшился оказаться в руках Божьих, в Его суверенной власти, и ещё больше противился подчинению Его власти, потому что думал, что Бог задумал погубить меня.

Всё это время со мной мощно действовал Дух Божий. Я был внутренне готов отказаться от всякой самоуверенности, от всякой надежды на то, что смогу как-то помочь себе. Иногда осознание того, что я погиб, было настолько ясным и очевидным, что я словно слышал слова: «Всё кончено, всё кончено, и ты уже никогда не избавишься от этого». Так моя душа страдала около трёх-четырёх дней. Иногда на несколько мгновений мне казалось, что я потерян и сломлен, но потом я тут же отворачивался от этого зрелища, потому что не осмеливался вверить себя в руки Бога, понимая, что я совершенно беспомощен и нахожусь в Его власти. Я не смел смотреть правде в глаза и признать, что я мёртв в грехах и проступках. Но когда я, так сказать, отмахивался от этих мыслей о себе, то с ужасом обнаруживал, что снова пришёл к тем же выводам. Я очень боялся, что Бог отдаст меня во власть окончательного безумия. Когда я думал о том, чтобы отложить это на более благоприятный момент, меня охватывало столь сильное и ясное осознание того, что сейчас самое лучшее и, возможно, единственное время, что я не осмеливался медлить.

Это был взгляд на истину, касающуюся меня самого, на истину, касающуюся моего состояния, как существа падшего и отчужденного от Бога, которое, следовательно, не могло требовать от Бога милости, но должно было признать абсолютный суверенитет Божественного Существа; при виде истины, говорю я, моя душа сжалась и трепетал при мысли о том, что увидит. Таким образом, тот, кто творит зло, как постоянно делают все невозрождённые люди, ненавидит свет истины и не стремится к нему, потому что он обличит его деяния и укажет ему на его заслуженные заслуги (Иоанна 3:20). И хотя некоторое время назад я приложил немало усилий, чтобы, как мне казалось, подчиниться власти Бога, я всё же заблуждался. Я и представить себе не мог, что осознание этой истины, которой моя душа так страшилась и от которой трепетала, и то, что я испытал на

собственном опыте, — это и есть то душевное состояние, к которому я так стремился. Ибо я всегда надеялся, что, когда я достигну того смирения, которое, как я полагал, необходимо для обретения веры, Бог не отвергнет меня. Но теперь я понял, что признание себя духовно мёртвым и лишенным всякой добродетели настолько далеко от добродетели, что, напротив, навсегда лишило меня дара речи. Мне казалось, что видеть себя и своё положение перед Богом — грешником и преступником, а Его — великим Судьей и Владыкой — так же страшно, как бедному трепещущему созданию броситься с высокой скалы. Поэтому я отложил это на минуту-другую и стал искать более подходящий момент. Я то читал отрывок из Писания, то молился, то делал что-то в этом роде. То откладывал признание своей покорности Божьей воле, ссылаясь на то, что не знаю, как это сделать. Но правда была в том, что я не видел для себя никакой безопасности в том, чтобы признать себя в руках всемогущего Бога, и не мог рассчитывать на что-то лучшее, чем вечные муки.

Но после того, как я довольно долго предавался подобным упражнениям и терзался, однажды утром, когда я, как обычно, прогуливался в уединённом месте, я вдруг понял, что все мои ухищрения и планы, направленные на то, чтобы обрести спасение и избавление, были совершенно тщетны. Я зашёл в тупик и почувствовал себя совершенно потерянным. Раньше я много раз думал о том, что на моём пути стоит множество препятствий, но теперь я увидел всё в совершенно ином свете и понял, что мне уже никогда не удастся помочь себе или обрести спасение. Я хотел было упрекнуть себя за то, что не сделал больше и не приложил больше усилий, пока у меня была такая возможность, — ведь теперь казалось, что время действовать безвозвратно ушло, — но тут же понял, что, даже если бы я сделал всё, что мог, это не помогло бы мне обрести спасение. Я испробовал всё, что мог, и все мои мольбы были тщетны. Сумятица, царившая в моей голове, улеглась, и мне стало немного легче от того отчаяния, которое я испытывал, борясь с самим собой и с Божественной властью. Я был совершенно уверен, что моё положение безнадежно, и удивлялся, что раньше не осознавал этого.

Пока я пребывал в таком состоянии, мои представления о своих обязанностях сильно отличались от тех, что были у меня раньше. Раньше, чем больше я исполнял свой долг, тем труднее мне было представить, что Бог может отвернуться от меня; хотя в то же время я признавал и, как мне казалось, понимал, что в моих обязанностях нет ничего хорошего или достойного. Но теперь, чем больше я молился или исполнял другие свои обязанности, тем больше я осознавал, что обязан Богу за то, что Он позволил мне просить о милосердии. Я понял, что к молитве меня побуждал эгоизм и что я ни разу не молился из уважения к славе Божьей. Теперь я видел, что между моими молитвами и дарованием Божественного милосердия нет необходимой связи, что они не обязывают Бога даровать мне Свою милость и что в них не больше добродетели и благости, чем в том, как я гребу рукой по воде (такое сравнение пришло мне в голову), и всё потому, что они совершались не из любви к Богу и не из уважения к Нему. Я понял, что нагромождал свои благочестивые дела перед Богом, постился, молился и т. д., притворяясь, а иногда и действительно думая, что стремлюсь к славе Божьей, хотя на самом деле я никогда не стремился к этому, а думал только о собственном счастье. Я понял, что, поскольку я никогда ничего не делал для Бога, я не вправе ожидать от Него ничего, кроме гибели за своё лицемерие и насмешки. О, как сильно теперь отличались мои обязанности от того, чем они были раньше! Раньше я считал их грехом и несовершенством, но только из-за блужданий и праздных мыслей, которые они вызывали, а не из-за того, что в них не было уважения к Богу, хотя мне казалось, что оно есть. Но когда я ясно увидел, что забочусь лишь о собственных интересах, они показались мне гнусным глумлением над Богом, самопоклонением и бесконечной ложью. Так что теперь я понял, что мои обязанности были чем-то похуже, чем просто блужданиями и т. д. Ведь всё это было не чем иным, как самопоклонением и ужасным оскорблением Бога.

Насколько я помню, я пребывал в таком состоянии духа с утра пятницы до вечера следующей субботы (12 июля 1739 года), когда я снова прогуливался в том же уединённом месте, куда я был приведён, чтобы я увидеть себя потерянным и беспомощным, как упоминалось ранее. Здесь, в мрачном меланхолическом состоянии, я пытался молиться, но не находил в себе сил выполнять

этот или какой-либо другой долг; мои прежние заботы, физические упражнения и религиозные привязанности теперь исчезли. Я думал, что Дух Божий совсем покинул меня, но ещё не был огорчён, но всё ещё был безутешен, как будто ничто на небе или на земле не могло сделать меня счастливым. После того, как я почти полчаса пытался молиться — хотя, как мне казалось, очень глупо и бессмысленно, — затем, когда я прогуливался по тёмной густой роще, моей душе, казалось, открылась невыразимая слава. Я не имею в виду никакого внешнего сияния, потому что я ничего подобного не видел; я также не имею в виду никакого воображения о светящемся теле где-то на третьем небе или о чём-либо подобном; но это было новое внутреннее понимание или взгляд на Бога, которого у меня никогда не было раньше, ни чего-либо, что имело бы хоть малейшее сходство с этим. Я стоял неподвижно, удивляясь и восхищаясь! Я знал, что никогда раньше не видел ничего, что могло бы сравниться с Ним по великолепию и красоте; это сильно отличалось от всех моих представлений о Боге или божественных вещах, которые у меня когда-либо были. У меня не было особых опасений ни по поводу какой-либо одной личности в Троице, ни по поводу Отца, Сына или Святого Духа; но это казалось божественной славой. Моя душа была настолько пленена и восхищена превосходством, красотой, величием и другими совершенствами Бога, что я был просто поглощён Им; по крайней мере, до такой степени, что поначалу я не думал (насколько я помню) о своём собственном спасении и едва ли предполагал, что существует такое создание как я сам.

Таким образом, я верю, что Бог привёл меня к искреннему желанию возвысить Его и возвести на трон, а главным образом и в конечном счёте стремиться к Его чести и славе как Царя вселенной. Я пребывал в этом состоянии внутренней радости, покоя и изумления почти до наступления темноты, без какого-либо ощутимого ослабления, а затем начал размышлять и анализировать то, что я видел, и весь последующий вечер чувствовал приятное умиротворение в душе. Я почувствовал себя в новом мире, и каждая вещь вокруг меня предстала в ином свете, чем обычно. На данный момент со временем путь спасения открылся мне с такой бесконечной мудростью, пригодностью и превосходством, что я удивился, что когда-либо думал о каком-либо другом пути спасения; был поражён, что раньше не отказался от своих собственных изобретений и не последовал этому прекрасному, благословенному и превосходному пути. Если бы я мог спастись с помощью своих собственных обязанностей или каким-либо другим способом, который я когда-то придумал, моя душа сейчас отказалась бы от этого. Я удивлялся, что весь мир не видит и не принимает этот путь спасения, основанный исключительно на праведности Христа.

Сладкое ощущение того, что я тогда чувствовал, не покидало меня в течение нескольких дней, почти постоянно, в большей или меньшей степени. Я не мог не радоваться в Боге, когда ложился и вставал. На следующий день Господень я ощутил нечто подобное, хотя и не с такой силой, как прежде. Но вскоре после этого я снова погрузился в глубокую тьму и пережил сильное потрясение, но не такое, как во время обличений. Я чувствовал себя виноватым, боялся и стыдился предстать перед Богом, меня невыносимо тяготило чувство вины. Но вскоре я ощутил, надеюсь, искреннее раскаяние и радость в Боге. — В конце августа я снова погрузился в глубокую тьму. Мне казалось, что присутствие Божье навсегда покинуло меня, хотя я не так сильно переживал из-за своего духовного состояния, как из-за того, что был отрезан от присутствия Божьего, как мне тогда казалось. Но вскоре Господь милостиво вернулся ко мне.

В начале сентября я отправился в колледж и поступил туда, но с некоторой неохотой, опасаясь, что не смогу вести строгую религиозную жизнь среди стольких искушений. После этого, когда я был на каникулах и не собирался оставаться в колледже, Богу было угодно явить Себя и Свою милость моей душе в более явном проявлении. Я проводил время в молитве и самоанализе, когда Господь по Своей милости так озарил моё сердце, что на какое-то время я обрёл полную уверенность в Его благоволении. Моя душа была невыразимо освежена божественными и небесными дарами. В это время, как и в некоторые другие периоды, отдельные отрывки из Слова Божьего открывались моей душе с божественной ясностью, силой и сладостью, представляя передо мной как нечто чрезвычайно ценное, с явными и несомненными доказательствами того, что это Слово Божье. Всю последующую зиму я наслаждался духовной радостью.

В январе 1740 года в колледже свирепствовала корь, и я, заразившись этой болезнью, отправился домой в Хаддам. Но за несколько дней до того, как я заболел, мне казалось, что я совсем один, и моя душа скорбела из-за отсутствия Утешителя. Мне казалось, что всё утешение ушло навсегда. Я молился и взывал к Богу о помощи, но не находил утешения и облегчения в настоящем. Но по милости Божьей за день или два до того, как я заболел, когда я в одиночестве гулял в очень уединённом месте, погруженный в размышления и молитву, я, как мне кажется, ощутил сладостное и освежающее прикосновение Свыше. Моя душа воспарила над страхами смерти. Я скорее желал смерти, чем боялся её. О, как же это было освежающе по сравнению со всеми земными радостями и удовольствиями! Через день или два я заболел корью и чувствовал себя очень плохо, почти отчаивался, но не испытывал страха смерти. Однако по милости Божьей я вскоре поправился, но из-за напряженной учёбы и того, что я был новичком в колледже, у меня оставалось мало времени на духовные обязанности. Моя душа часто скорбела из-за того, что у меня было мало времени и возможностей побыть наедине с Богом. Следующей весной и летом у меня было больше возможностей уединиться, и я получал больше утешения в религии. Хотя моё стремление к учёбе сильно мешало активности и энергичности моей духовной жизни, обычно я чувствовал, что «в многообразии моих мыслей утешение Божье в первую очередь радует мою душу». Это было моим главным утешением изо дня в день.

Помню, как-то раз (кажется, это было в июне 1740 года) я в полдень удалился от колледжа на значительное расстояние и в одиночестве пошёл по полю. Молясь, я ощутил такую невыразимую сладость и наслаждение в Боге, что подумал: если мне суждено остаться в этом греховном мире, я хочу всегда быть таком состоянии, чтобы созерцать Божью славу. Моя душа нежно любила всё человечество и страстно желала, чтобы люди наслаждались тем же, чем наслаждаюсь я. Мне казалось, что это немного похоже на рай. В день Господень, 6 июля, в день причащения, я обрёл божественную жизнь и духовное обновление в этом священном таинстве. Когда я отошёл от стола Господня, я удивился, как мои сокурсники могут жить так, как, по моему мнению, жили большинство из них. В следующий день Господень, 13 июля, я ощутил особую сладость в религии. И снова в день Господень, 20 июля, моя душа была в сладостном и драгоценном состоянии.

В какой-то момент в августе следующего года я почувствовал себя настолько слабым и разбитым из-за чрезмерной сосредоточенности на учёбе, что мой наставник посоветовал мне пойти домой и как можно больше отвлекаться от занятий. Я был настолько слаб, что начал харкать кровью. Я последовал его совету и попытался забросить учёбу. Но, оказавшись в очень тяжелом положении, я стал смотреть смерти в лицо более стойко. Господь был милостив ко мне и вновь даровал мне сладостное чувство и вкус к божественному. В частности, 13 октября я нашёл божественную помощь и утешение в драгоценных обязанностях тайной молитвы и самоанализа, и моя душа возрадовалась благословенному Богу. То же самое произошло и 17 октября.

Суббота, 18 октября. Во время утренней молитвы моя душа была преисполнена умиления и горечи из-за своей крайней греховности и порочности. Никогда прежде я не ощущала с такой остротой и глубиной отвратительную природу греха. Моя душа была необычайно преисполнена любовью к Богу и живо ощущала Его любовь ко мне. И эта любовь и надежда в то время изгнали страх. И утром, и вечером я уделял время самоанализу, чтобы понять, истинна ли моя вера и готов ли я на следующий день предстать перед Богом за Его столом. По бесконечной милости Божьей я ощутил, как Святой Дух наполняет мою душу любовью к Богу, и это стало для меня свидетельством.

День Господень, 19 октября. Утром я почувствовал, что душа моя жаждет праведности. В первой половине дня, когда я смотрел на святые дары и думал о том, что Иисус Христос скоро будет «распят передо мной», моя душа наполнилась светом и любовью, так что я был почти в экстазе. Тело моё было так слабо, что я едва мог стоять на ногах. В то же время я ощущал необычайную нежность и самую пылкую любовь ко всему человечеству, так что моя душа и все её силы, казалось, растворились в мягкости и сладости. Но во время причастия эта жизнь и пыл немного

поутихли. Эта любовь и радость изгнали страх, и душа моя жаждала совершенной благодати и славы. В таком состоянии я пребывал до вечера, когда душа моя была преисполнена духовной радости от тайных молитв.

Понедельник, 20 октября. Я снова ощутил помощь Святого Духа в своих тайных молитвах, как утром, так и вечером, и ощущал жизнь и утешение в религии на протяжении всего дня. — Вторник, 21 октября. Я также ощутил Божью благодать в том, что Он «пролил Свою любовь в моём сердце», даровав мне радость и утешение в религиозных обязанностях. Всю оставшуюся часть недели моя душа, казалось, была преисполнена божественной благодати. Я так жаждал Бога и освобождения от греха, что, когда почувствовал, что выздоравливаю, и подумал о том, что мне снова нужно возвращаться в колледж, который в прошлом году так пагубно сказался на моих духовных интересах, я не мог не огорчиться и подумал, что лучше бы умер, потому что мысль о том, чтобы отдалиться от Бога, причиняла мне боль. Но перед отъездом я пережил ещё несколько сладостных и драгоценных моментов единения с Богом (особенно 30 октября и 4 ноября), когда моя душа наслаждалась невыразимым утешением.

Я вернулся в колледж примерно 6 ноября и, по милости Божьей, почти каждый день в течение шести недель ощущал силу религии. 28 ноября. Во время вечерней молитвы я наслаждался драгоценными откровениями о Боге и получил невыразимое утешение от чтения Послания к Евреям, глава 12, стихи 22–24. Моя душа стремилась в рай Божий, я жаждал уподобиться Богу во всём. Через день или два я почти весь день наслаждался светом Божьего лица, и моя душа покоилась в Боге.

Вторник, 9 декабря. Большую часть дня я пребывал в умиротворённом состоянии духа, особенно во время вечерних молитв, когда Богу было угодно чудесным образом помочь мне и укрепить меня. Я думал, что ничто не сможет заставить меня отречься от любви к Богу во Христе Иисусе, моём Господе. О, один час с Богом бесконечно превосходит все радости и наслаждения этого мира.

Где-то в конце января 1741 года я стал более холодный и унылый в религии, из-за моего старого искушения, а именно, честолюбия в учёбе. — Но благодаря божественной благодати, великому и всеобщему пробуждению, которое распространилось по колледжу примерно в конце февраля, когда я был гораздо оживлён и более обильно занимался религией».

Это пробуждение положило начало необычайному религиозному движению, охватившему всю страну и до сих пор свежее в памяти каждого. В Нью-Хейвене оно было особенно сильным и всеобщим, и колледж сыграл в этом немалую роль. Общество сильно изменилось, студенты в целом стали серьёзнее, многие из них — в высшей степени, и многие из них посвятили себя заботам о своём вечном спасении. И какими бы нежелательными ни были последствия пробуждения того времени для многих других людей, очевидно, что впечатления, которые оно произвело на умы многих членов колледжа, оказали на них благотворное и продолжительное влияние. И, судя по тому, что мне известно о мистере Брейнерде, нет никаких оснований сомневаться в том, что в то время он ощущал на себе Божью милость и живость истинной благодати. Однако впоследствии он в полной мере осознал, что его религиозные переживания и чувства того времени не были свободны от порочной примеси, а его поведение не могло быть оправдано из-за множества неблагоразумных и предосудительных поступков. Он горько сожалел об этом и хотел, чтобы другие не последовали его дурному примеру. Поэтому, хотя в то время он вёл дневник, в котором подробно описывал всё, что происходило с ним изо дня в день в течение следующих тринадцати месяцев, начиная с конца января 1741 года, упомянутого выше, в двух небольших книгах, которые он назвал двумя первыми томами своего дневника, сразу после рассказа о своих убеждениях, обращении и последовавшем за этим утешении, он, уже лежа на смертном одре, распорядился (о чём я узнал только после его смерти), чтобы эти два тома были уничтожены. В начале третьей книги своего дневника он написал (рукой другого человека, так как сам писать уже не мог): «Два предыдущих тома, сразу после рассказа об обращении автора,

утрачены». Если кто-то хочет узнать, как в целом жил автор в тот период, пусть прочтёт первые тридцать страниц этого тома. Там можно найти кое-что о его привычном образе жизни на протяжении всего этого периода, который длился около тринадцати месяцев. За исключением того, что здесь он был более сдержан в проявлении некоторых неосмотрительных и непристойных порывов, чем там, но дух преданности, пронизывающий все повествование, остался прежним.

Не могло быть иначе, чтобы сердце человека, столь подготовленного и обращённого к Богу, как сердце мистера Брейнерда, не наполнилось силой, не ожило и не воспрянуло при виде столь разительных перемен, произошедших в колледже, городе и стране, при виде того, как люди меняют свою жизнь, отходят от мирской суеты и безнравственности, становясь серьёзнее и заботясь о своём спасении, а религия возрождается и процветает почти повсеместно. Но вскоре к этому религиозному возрождению примешались неумеренное, необдуманное рвение и некоторый энтузиазм. Такое всеобщее пробуждение было в новинку для страны, по крайней мере для всех её ныне живущих обитателей. Ни люди, ни священники не научились в полной мере отличать истинную религию от её обманчивых подобию. Даже многие служители Евангелия, давно занимающие свои посты и пользующиеся безупречной репутацией, на какое-то время поддались влиянию этих ложных учений. Поэтому неудивительно, что молодой Брейнерд, второкурсник колледжа, был подвержен этому влиянию. Он был молод не только по годам, но и по религиозному опыту. У него было мало возможностей изучать богословие и ещё меньше — наблюдать за обстоятельствами и событиями, происходившими в столь необычном контексте. Чтобы счесть это странным, нужно совсем лишиться рассудка. В этих неблагоприятных обстоятельствах Брейнерд, к несчастью, поддавался неумеренному и необдуманному рвению, которое в то время было слишком распространено, и из-за своего высокого мнения о других людях, которых он считал лучше себя, впал в заблуждения, противоречившие привычному складу его ума. Один из случаев его недостойного поведения в то время настолько оскорбил руководство колледжа, что его исключили из учебного заведения. Об этом случае и связанных с ним обстоятельствах необходимо рассказать подробнее.

Во время пробуждения в колледже было несколько студентов-религиозных деятелей, которые собирались вместе, чтобы общаться и помогать друг другу в духовных вопросах. Они свободно открывались друг другу, как близким друзьям. Брейнерд был одним из них. Однажды он и ещё двое или трое его близких друзей оказались в холле после того, как мистер Уиттлси, один из наставников, помолился там вместе с учениками. В холле не осталось никого, кроме Брейнерда и его товарищей. Мистер Уиттлси был необычайно эмоционален в своей молитве, и один из друзей Брейнерда спросил его, что он думает о мистере Уиттлси. Брейнерд ответил: «В нём не больше благодати, чем в этом стуле». Один из первокурсников, оказавшийся в тот момент рядом с холлом (но не в самой комнате), услышал эти слова. Он не расслышал имени и не понял, кого так порицали, но рассказал об этом одной женщине в городе, добавив, что, по его мнению, Брейнерд сказал это о ком-то из руководства колледжа. Женщина пошла и сообщила об этом ректору, который послал за первокурсником и допросил его. Тот рассказал ректору о словах, которые услышал от Брейнерда, и сообщил, кто был с ним в комнате в тот момент. Ректор послал за ними. Они не хотели доносить на своего друга за то, что считали частной беседой, тем более что никто, кроме них, не слышал и не знал, о ком он говорил. Однако ректор заставил их признаться в том, что они слышали, и в том, о ком шла речь. — Брейнерд считал, что с ним обошлись очень несправедливо в связи с этим делом. Он полагал, что его друзей вынудили пойти на это, а затем несправедливо потребовали от него — как если бы он был виновен в каком-то открытом, общеизвестном преступлении, — публично признаться и унизиться перед всем колледжем в холле за то, что он сказал лишь в частной беседе. Он не подчинился этому требованию, однажды отправился на отдельное собрание в Нью-Хейвене, несмотря на запрет ректора, а также был обвинён одним человеком в том, что якобы сказал о ректоре: «Он удивляется, что тот не упал замертво, когда его оштрафовали за то, что он последовал за мистером Теннентом в Милфорд, хотя никаких доказательств этому не было (и мистер Брейнерд всегда утверждал, что не помнит, чтобы говорил что-то подобное). За это его исключили из колледжа.

Я не берусь судить о том, насколько обстоятельства и требования того времени оправдывали такую суровость со стороны руководства колледжа. Моя цель — не бросить тень на руководство колледжа, а лишь отдать дань памяти человека, который, на мой взгляд, был одним из тех, чья память достойна благословения. В продолжении истории жизни мистера Брейнерда читатель узнает, что сам он думал о своём поведении в этой ситуации и как по-христиански он вёл себя в связи с этим делом, хотя до конца своих дней считал, что с ним обошлись несправедливо. Его исключили из колледжа зимой 1742 года, когда он учился на третьем курсе.

ЧАСТЬ II

С того времени, как он начал посвящать себя, в особенности, изучению богословия, и до тех пор, пока не был экзаменован и получил лицензию на проповедь от ассоциации священников восточного округа графства Фэйрфилд, штат Коннектикут

Г-н Брейнерд, весной после своего исключения из колледжа переехал к преподобному мистеру Миллсу из Риптона, чтобы продолжить обучение под его руководством и подготовиться к служению. Большую часть времени он проводил у мистера Миллса, пока Ассоциация не выдала ему лицензию на проповеди. Однако он часто навещал соседних священников, в частности мистера Кука из Стратфорда, мистера Грэма из Саутбери и мистера Беллами из Бетлехема. Живя у мистера Миллса, он начал третью книгу своего дневника, в которой описал себя следующим образом.

«Четверг, 1 апреля 1742 года. Я, кажется, прихожу в упадок в отношении своей жизни и теплоты в божественных вещах; в последнее время у меня не было такого свободного доступа к Богу в молитве, как обычно. О, если бы Бог поверг меня глубоко в смирение прах пред Ним! Я заслуживаю ада каждый день за то, что не люблю моего Господа больше, который, я верю, возлюбил меня и отдал Себя за меня; и каждый раз, когда я получаю возможность обновлённо проявлять какую-либо благодать, я вновь в долгу перед Богом всякой благодати за особую помощь. Где же тогда хвастовство? Конечно, оно исключается, когда мы думаем, как мы зависим от Бога в своём существовании и каждом акте благодати. О, если я когда-нибудь попаду на небеса, то только потому, что так хочет Бог, и ни от чего другого; ибо я никогда ничего не делал от себя, кроме как удалялся от Бога! Моя душа будет поражена неисследимым богатством Божественной благодати, когда я прибуду в обители, которые благословенный Спаситель покинул, чтобы приготовить их.

Пятница, 2 апреля. Во второй половине дня я ощущал в тайной молитве смирение, спокойствие и безмятежность. Что значат все бури этого низшего мира, если Иисус Своим Духом идёт по водам! Некоторое время назад я с радостью думал о том, что язычники обратятся ко Христу, и желал, чтобы Господь поручил мне эту работу. Но теперь моя душа всё чаще жаждет умереть, чтобы быть со Христом. О, если бы моя душа была объята божественной любовью, а моё страстное желание быть с Богом возросло! Вечером я помолился и укрепился в надежде на распространение Царства Христова в мире.

Суббота, 3 апреля. Сегодня утром было очень нехорошо, и у меня была плохая ночь. Я подумал, что если бы Бог сейчас забрал меня к Себе, то моя душа была бы чрезвычайно рада. О, если бы я всегда мог быть смиренным и покорился Богу, и чтобы Он сделал мою душу более сосредоточенной на Себе, чтобы я мог быть более приспособлен как к действию, так и к страданию!

День Господень, 4 апреля. Сердце моё было блуждающим и безжизненным. Вечером Бог дал мне веру в молитву, в какой-то мере смягчил мою душу и дал мне вкусить Божественную сладость. О, мой благословенный Бог! Как же я хочу взобраться к Нему поближе, любить Его, тосковать по Нему, молить Его, бороться и тянуться к Нему и просить об избавлении от тела греха и смерти. —

Увы! Моя душа скорбела при мысли о том, что я снова потеряю из виду своего Возлюбленного. Приди, Господь Иисус, аминь».

Вечером следующего дня он жалуется, что, казалось, утратил всякую тягу к божественному, ощущал сильное влияние порочности и видел в себе склонность ко всевозможным грехам. Это повергло его в глубокую печаль и ввергло в пучину меланхолии. Он говорит о себе как о человеке, который потрясён, не находит утешения и охвачен ужасом, не видя утешения ни на небе, ни на земле.

«Вторник, 6 апреля. Сегодня утром я пошёл на то же место, где был вчера вечером, и чувствовал себя так же, как и тогда. Но мне стало немного легче, когда я перечитал кое-что из своего дневника. Мне показалось, что я снова могу свободно молиться Великому Богу, но внезапно меня охватила дрожь от осознания собственной низости. Тогда я взмолился к Богу, прося очистить меня от моей крайней порочности, даровать мне покаяние и прощение. После этого мне стало приятно молиться. Я с радостью мог бы претерпеть самые тяжкие страдания во имя Христа и был готов, если бы Бог того пожелал, быть изгнанником в своей родной стране, среди язычников, лишь бы сделать что-то для их спасения в любых невзгодах и перед лицом любой смерти. Затем Бог дал мне силы бороться за других, за Царство Христово в мире и за дорогих мне друзей-христиан. Я почувствовал, что отрекаюсь от мира и от своей репутации в глазах людей, готов быть презираемым и стать посмешищем для всего мира. Я не могу описать, что я тогда чувствовал: радости было немного, но я ощущал величие Божие, от чего меня словно бросало в дрожь. Я видел себя ничтожным и презренным, и от этого мне ещё больше хотелось, чтобы Бог поступал со мной по Своей воле. Всё это было бесконечно наполнено смыслом.

Среда, 7 апреля. У меня было не так много рвения, но я чувствовал что-то такое, что было вчера утром, во время молитвы. — В полдень я провёл некоторое время в тайной молитве, с некоторой пылкостью, но почти без сладости; и вечером чувствовал себя очень уныло.

Четверг, 8 апреля. Сегодня у меня возникли надежды в отношении язычников. О, если бы Бог привёл ко Иисусу Христу большое количество из них! Я не могу не надеяться, что доживу до этого славного дня. - Всё в этом мире кажется мне чрезвычайно мерзким и ничтожным: таким я кажусь себе. Сегодня в молитве у меня был небольшой проблеск утешения; но особенно сегодня ночью, я думаю, у меня была вера и сила ходатайства перед Богом. Я получил возможность умолять Бога о возрастании благодати во мне самом; и многие из дорогих детей Божьих тогда тяжестью легли на мою душу. Благословен Господь! Хорошо бороться за Божественные благословения.

Пятница, 9 апреля. Большая часть моего времени на утреннем времени с Богом была потрачена без ощутимой сладости; и всё же у меня была одна восхитительная перспектива попасть в небесный мир. Я больше, чем когда-либо, поражён подобными мыслями; ибо я вижу себя бесконечно мерзким и недостойным. Я чувствую себя очень бессердечным и унылым; и хотя я жажду присутствия Бога и кажется, что я постоянно стремлюсь к Богу в своих желаниях, всё же я не могу чувствовать ту Божественную и неземную сладость, которой я привык наслаждаться. — Ни одно бедное создание не нуждается в Божественной благодати больше, чем я, и никто не злоупотребляет ею так, как я, и продолжает злоупотреблять.

Суббота, 10 апреля. Сегодня утром я много времени провёл в тайной молитве, и это принесло мне некоторое утешение в Божественных делах. Надеюсь, что у меня была хоть какая-то вера в то, что я делаю. Но я настолько унижен и так мало ощущаю присутствие Бога, что едва ли могу назвать это верой. Я чувствую, что во мне живут грехи моей юности и ужасный грех моей природы. Я весь — грех. Я не могу ни думать, ни действовать, но каждое моё движение — это грех. Я питаю слабую надежду на то, что Бог по Своей бесконечной милости вновь прольёт дождь благодати на бедных грешников, злоупотребляющих Евангелием. И мои надежды на то, что я смогу послужить делу Божьему, которые в последнее время почти угасли, теперь, кажется, немного ожили. О, если бы

все мои недавние страдания и ужасные опасения оказались лишь школой Христа, которая подготовила бы меня к более великому служению, преподав мне великий урок смирения!

День Господень, 11 апреля. Утром я почти ничего не чувствовал, кроме того, что моё сердце наполнилось благодарностью Богу за Его удивительную милость и снисходительность ко мне, за влияние и помощь Его Духа в прошлом. — Позже я с радостью думал о том, что скоро окажусь в небесном мире. О, этот счастливый день! — После общественного богослужения Бог особым образом помог мне в молитве. Я с большой радостью боролся за моего дорогого Господа, и ходатайство стало для меня приятным занятием. — Вечером, когда я смотрел на северное сияние, я с восторгом размышлял о славном утре воскресения.

Понедельник, 12 апреля. Сегодня утром Господь был милостив ко мне и явил мне Свой лик в тайной молитве, сделав это время особенно драгоценным для моей души. И хотя в последнее время я был очень подавлен из-за своих надежд на то, что в будущем смогу принести пользу делу Божьему, теперь я обрёл большую уверенность в этом. Мне было особенно легко ходатайствовать и просить за заблудшие души, за расширение Царства Христова в мире и за особую милость для себя, чтобы я мог служить на особых поприщах. Я чувствовал себя совершенно спокойным и полностью смиренным перед Богом в том, что касается моего будущего служения, когда бы и где бы оно ни началось. Моя вера вознесла меня над миром и устранила все преграды, которые я не мог преодолеть в последнее время. Я не нуждался в благосклонности людей, потому что знал, что благосклонность Христа неизмеримо лучше, и что не имеет значения, когда, куда и как Христос пошлёт меня, какие испытания Он мне уготовит, если я буду готов к Его делу и воле. Теперь я вновь ощутил в своём сознании удивительное осознание бесконечной мудрости во всех Божьих замыслах в отношении меня, которое посетило меня незадолго до того, как я столкнулся с серьёзным испытанием в колледже. Всё вокруг казалось исполненным Божественной мудрости.

Вторник, 13 апреля. Я увидел, что веду себя очень низко и подло, и удивлялся тем, кто относился ко мне с уважением. Впоследствии я немного успокоился, уединившись, и смог вступить в борьбу с Богом, проявив силу, духовность и кротость. Благословен Господь, Он никогда не забывает обо мне, но всегда посылает мне то, что мне нужно, и время от времени, когда я словно мёртвый, возвращает меня к жизни. О, если бы я никогда не сомневался в Его бесконечной доброте!

Среда, 14 апреля. Моя душа жаждала общения со Христом, и умерщвления внутренней порчи, особенно духовной гордыни. О, грядёт прекрасный день, в который усталые обретут покой! Моя душа наслаждалась этой сладостью в этот день в надежде на Его скорейшее прибытие.

Четверг, 15 апреля. Мои желания, очевидно, сосредоточились на Боге, и я сегодня несколько раз обнаруживал осязаемое влечение души к Нему. Я знаю, я жажду Бога и подчинения Его воле во внутренней чистоте и святости в десять тысяч раз больше, чем чего-либо здесь, на земле.

Пятница и суббота, 16, 17 апреля. Я редко молился без какой-то осязаемой радости в Господе. Иногда мне очень хотелось раствориться и быть со Христом. О, если бы Бог дал мне возможность возрастать в благодати каждый день! Увы! Я так бесплоден, что Бог вполне мог бы сказать: «Сруби это». — Я боюсь, что в эту субботу у меня будет мёртвое сердце. О, если бы Бог оживил меня Своей благодатью!

День Господень, 18 апреля. Сегодня рано утром я удалился в лес, чтобы помолиться. Мне помогали Дух Божий и вера. Я смог с жаром просить о наступлении Царства Христова в мире и ходатайствовать за дорогих отсутствующих друзей. В полдень Бог дал мне возможность бороться с Ним и, как я верю, ощутить силу Божественной любви в молитве. Ночью я осознал, что бесконечно обязан Богу, и увидел свои недостатки. Мне показалось, что я ничего не сделал для Бога и что я посвятил Ему всего несколько часов своей жизни.

Понедельник, 19 апреля. Я посвятил этот день посту и молитве к Богу о Его милости, особенно о том, чтобы Он подготовил меня к служению, даровал мне Божественную помощь и наставление в подготовке к этому великому делу и в своё время послал меня на жатву. Поэтому утром я постарался вымолить у Бога присутствие Его в течение всего дня, и это не прошло бесследно. В первой половине дня я ощутил силу ходатайства за драгоценные, бессмертные души, за распространение Царства моего дорогого Господа и Спасителя через Слово, а также сладчайшее смирение, утешение и радость при мысли о том, что ради этого мне придётся терпеть лишения, невзгоды и даже саму смерть. Особенно я молился о просвещении и обращении бедных язычников. Во второй половине дня Бог был со мной. О, это было поистине благословенное общение! Бог дал мне возможность так изнемогать в молитве, что я весь взмок от пота, хотя был в тени и дул прохладный ветер. Моя душа была преисполнена тоски по миру, по множеству душ. Думаю, я больше молился за грешников, чем за детей Божьих, хотя мне казалось, что я готов всю жизнь провести в молитвах за тех и других. Я наслаждался общением с моим дорогим Спасителем. Кажется, никогда в жизни я не чувствовал себя настолько оторванным от этого мира и настолько смиренным перед Богом во всём. О, если бы я всегда мог жить ради моего благословенного Бога! Аминь, аминь.

Вторник, 20 апреля. Сегодня мне двадцать четыре года. О, как много милости я получил за прошедший год! Как часто Бог проявлял Свою доброту предо мной! И как плохо я выполнил клятвы, которые я дал на этот раз двенадцать месяцев назад, быть всецело Господом, навсегда посвятить себя служению Ему! Да поможет мне Господь в грядущее время больше жить во славу Его. — Это был приятный, счастливый день для меня: благословен Бог. Я думаю, что моя душа никогда так не изнемогала в ходатайстве за других, как этой ночью. Этой ночью я яростнее всего сражаюсь с Господом за моих врагов; и я едва ли когда-либо так сильно желал жить для Бога и быть всецело преданным, и я хотел потратить свою жизнь на служение Ему и во славу Его.

Среда, 21 апреля. Чувствовал большое спокойствие и смирение. Бог снова дал мне возможность бороться за множество душ, и я с большим рвением исполнял свой священный долг ходатайства. В последнее время я получал больше радости от ходатайства за других, чем от какой-либо другой части молитвы. Мой благословенный Господь действительно позволил мне приблизиться к Нему и умолять Его».

Настроение и душевные переживания, которые он описывает в следующие три дня — четверг, пятницу и субботу, — во многом схожи с тем, что он писал в предыдущие два дня.

«День Господень, 25 апреля. Сегодня утром я около двух часов занимался тайными делами и, как никогда, мог молиться за бессмертные души. Хотя было раннее утро и солнце почти не светило, моё тело было влажным от пота. Как и часто в последнее время, я чувствовал сильное побуждение ходатайствовать за кротость и спокойствие Агнца Божьего в моей душе, и благодаря Божественной доброте сегодня утром я ощутил это в полной мере. О, как это сладостно — от всего сердца прощать все обиды, нанесённые нам, и желать нашим злейшим врагам того же, что и мы сами желаем для своих душ! Благословенный Иисус, дай мне с каждым днём всё больше и больше уподобляться Тебе. Ночью я был переполнен Божественной любовью и ощущал блаженство горнего мира. На меня снизошли слова из Псалма 83:8, исполненные Божественной сладости: «приходят от силы в силу, являются пред Богом на Сионе». О, какое близкое единение с Богом мы порой ощущаем, когда обращаемся к Нему! Это и есть явление пред Богом в истинном духовном смысле, и в самом сладостном смысле. Думаю, за все эти месяцы у меня не было такой силы ходатайствовать за детей Божьих и за умерших грешников, как сегодня вечером. Я желал и тосковал по пришествию моего дорогого Господа, я жаждал воссоединиться с сонмами ангелов в хвалебных песнопениях, полностью избавившись от несовершенства. О, скорее бы настал этот благословенный миг! Всё, чего я хочу, — это стать ещё более святым, ещё больше уподобиться моему дорогому Господу. О, святость! Вся моя душа жаждет полного восстановления благословенного образа моего Спасителя, чтобы я мог наслаждаться блаженством и служить в небесном мире.

*Прощай, тщеславный мир; моя душа может с тобой расстаться.
Мой Спаситель научил меня отречься от тебя.
Твои чары могут услаждать чувственный разум,
Но не угодны душе, созданной для служения Богу.
Не искушай меня, не зови мою душу.
Она принадлежит Богу, и Он будет всем для меня.
Пока Он позволяет мне созерцать небесную славу,
Твои красоты меркнут, в моём сердце нет для тебя места.*

Господь освежил мою душу многими сладостными отрывками из Своего Слова. О, новый Иерусалим! Моя душа тосковала по нему. О песнь Моисея и Агнца! И эта благословенная песнь, которую не может постичь никто, кроме искупленных от земли! И эти славные белые одежды, которые были даны душам под благовониями!

Господь, я здесь чужой, совсем один; Земля не может дать мне истинного утешения. Но вдали от моего самого Дорогого моя душа жаждет плакать, мой Господь. Иисус, мой Господь, моя единственная любовь, завладей моей душой и не покидай её. Даруй мне Свои добрые посещения, небесный Голубь. Тогда всё моё сердце будет принадлежать моему Богу.

Понедельник, 26 апреля. Продолжал пребывать в благом расположении духа, но во второй половине дня почувствовал, что во мне пробуждается духовная гордыня. Поначалу Бог был милостив и смирил меня, но потом даровал мне утешение. О, как же моя душа жаждет этого благословенного состояния полного освобождения от всех грехов! Вечером Бог дал мне возможность отдать свою душу Ему, положиться на Него, позволить Ему распоряжаться мной по Своей воле, и я ощутил великий покой и утешение. Моя душа наслаждалась Богом, мои мысли свободно и сладостно сосредоточились на Нём. О, если бы я мог посвящать каждое мгновение своей жизни Его славе!

Вторник, 27 апреля. Я рано закончил дела, чтобы помолиться в уединении. И в молитве Бог излил на мою душу такое невыразимое утешение, что какое-то время я мог лишь повторять снова и снова: "О мой милый Спаситель! О мой милый Спаситель! Кого мне ждать на небесах, кроме Тебя? И нет на земле никого, кроме Тебя, о ком я мечтал бы". Если бы у меня была тысяча жизней, моя душа с радостью отдала бы их всё за то, чтобы быть с ХРИСТОМ. Никогда ещё моя душа не наслаждалась так небесами. Это был самый возвышенный и духовный период единения с Богом, который я когда-либо переживал. Никогда в жизни я не испытывал такого смирения. Днём я удалился, чтобы встретиться с моим Богом, но почувствовал себя совсем обессиленным, и Бог смирил мою душу. Я скорбел о теле смерти, которое во мне. Меня очень огорчало, что я не могу молиться и восхвалять Бога сердцем, полным Божественной небесной любви. О, если бы моя душа никогда не служила Богу безжизненно и холодно! Вечером Божественной любви было не так много, как утром, но это был прекрасный период страстного ходатайства.

Среда, 28 апреля. Я удалился в своё обычное место уединения в полном спокойствии и умиротворении, провёл около двух часов за тайными молитвами и чувствовал себя почти так же, как вчера утром, только слабее и подавленнее. Казалось, я всецело завишу от моего дорогого Господа, полностью отрешившись от всего остального. Я не знал, что сказать своему Богу, и мог лишь прильнуть к Его груди и излить свои желания, стремясь во всём уподобиться Ему. Жажда и ненасытная тоска по совершенной святости овладели моей душой. Бог был так дорог моему сердцу, что мир со всеми его радостями казался мне бесконечно ничтожным. Я ценил расположение людей не больше, чем камешки. Господь был для меня ВСЕМ, и то, что Он властвовал над всем сущим, приводило меня в восторг. Думаю, моя вера и зависимость от Бога ещё никогда не были так сильны. Я видел в Нём такой источник благодати, что мне казалось невозможным снова усомниться в Нём или беспокоиться о чём-либо, что могло бы со мной случиться. Теперь я с особой радостью молился за отсутствующих друзей и за распространение

Царства Христова в мире. Большая часть этой Божественной радости оставалась со мной в течение всего дня. Вечером моё сердце, казалось, растаяло, и, я верю, оно действительно было смиренно и очищено от скверны, и я плакал, как голубь. Я чувствовал, что все мои несчастья проистекают из того, что я грешник. Я мог бы с покорностью принять любые другие испытания, но грех давил на меня тяжким бременем, потому что Бог открыл мне порочность моего сердца. Я лёг спать с тяжёлым сердцем, потому что был грешником, хотя ни на миг не сомневался в Божьей любви. О, если бы Бог очистил меня от скверны, избавил от олова и сделал меня семикратно очищенным!

Четверг, 29 апреля. Меня держали на расстоянии от Бога; — но я немного расширился в ходатайстве за драгоценные души.

Пятница, 30 апреля. Я был несколько подавлен духом: ничто не огорчает меня так, как то, что я не могу постоянно жить во славу Божию. Я бы смирился с любым разочарованием или духовными противоречиями, если бы моё сердце всё это время пылало любовью к Богу и стремлением к Его славе. Но это невозможно, потому что, когда я испытываю эти чувства, я не могу быть подавлен духом, а лишь радуюсь в своём Спасителе, который избавил меня от власти греха и вскоре избавит от его присутствия в моей жизни.

Суббота, 1 мая. Я с жаром молил Бога о том, чтобы Он дал мне необходимые качества для служения, чтобы Он явился для продвижения Своего Царства, чтобы Он обратил язычников и т. д. Мне очень помогли в учёбе. Эта неделя была для меня плодотворной; я получил много откровений от Святого Духа.

День Господень, 2 мая. Сегодня утром Господь был так милостив ко мне, что я увидел себя в таком свете, что сам себе показался очень жалким. Я почувствовал, как в моём сердце зарождается порочность, которую я никак не мог подавить. Я чувствовал себя всё более и более покинутым, был крайне слаб и едва не заболел от внутренних терзаний.

Понедельник, 3 мая. Чувствовал себя отвратительно неблагодарным. Утром я удалился в своё обычное место уединения и скорбел о том, что злоупотребил доверием моего дорогого Господа. День я провёл в посте и молитве. Бог дал мне много сил для борьбы за Его дело и Царство, и это был счастливый день для моей души. Бог был со мной весь день, и я был выше мира, как никогда в жизни».

В оставшуюся часть этой недели он почти каждый день жаловался на то, что его бросили, на внутренние испытания и конфликты, сопровождавшиеся упадком духа. Но при этом он говорил о периодах облегчения и радости, а также о ежедневных освежающих посещениях Божественного Духа, которые оказывали ему особую помощь и утешение и в некоторых случаях побуждали его с большим рвением и усердием выполнять свои религиозные обязанности.

«День Господень, 9 мая. Кажется, никогда ещё я не ощущал с такой силой проклятую гордыню своего сердца и упрямство своей воли. О, как это ужасно! Какой же я жалкий негодяй! Я бы согласился стать ничем и лечь в пыль. О, если бы Бог смирил меня, повергнув в прах! Весь день я чувствовал себя таким грешником, что почти не находил утешения. О, когда же я избавлюсь от этого тела, в котором смерть! Я очень боялся, что из-за своей глупости и беспечности упущу пользу от этих испытаний. О, если бы они были освящены для моей души! Казалось, ничто не трогало меня так, как осознание того, что я грешник. — Вечером я с жаром молился в общей молитве и почувствовал прилив сил.

Понедельник, 10 мая. Я поехал в Нью-Хейвен, где встретился с несколькими друзьями-христианами. Я с удовольствием помолился вместе с ними и услышал, как Бог был милостив к ним с тех пор, как я их видел в последний раз.

Вторник, 11 мая. Я ехал из Нью-Хейвена в Уэзерсфилд. Большую часть дня было очень скучно. В этой поездке я не ощущал особой духовности, хотя часто мечтал побыть наедине с Богом. Меня одолевали мерзкие мысли, иногда я всего боялся, но Бог был моим помощником. Вечером мне удалось ненадолго уединиться, и это меня успокоило и обрадовало. Увы! Я не могу жить в суматохе. Я хочу наслаждаться общением с Богом наедине.

Среда, 12 мая. Я с ужасом осознал, что в моём сердце живут гордыня, вражда и злоба. После этого я с радостью провёл время за беседой и поклонением Богу в кругу друзей-христиан.

Четверг, 13 мая. Я увидел столько порочности в своём сердце, что мне захотелось сбежать от самого себя. Никогда раньше я не думал, что в моей душе столько духовной гордыни. Я чувствовал себя так, словно меня до смерти придавили собственной низостью. О, какое мёртвое тело во мне! Господи, спаси мою душу. Я не мог найти подходящего места, чтобы уединиться, и был очень встревожен. Днём поехал в Хартфорд, где немного отдохнул и успокоился, занимаясь религиозными упражнениями с друзьями-христианами, но мне хотелось уединиться ещё больше. О, самое близкое общение с Богом — это самый сладкий рай на земле!

Пятница, 14 мая. Я присутствовал на совете служителей, созванном в Хартфорде, и рассказал им о том, как со мной обошлись ректор и преподаватели Йельского колледжа. Они сочли целесообразным ходатайствовать за меня перед ректором и попечителями и просить их восстановить меня в прежних правах в колледже. — После этого я провёл некоторое время в религиозных размышлениях с друзьями-христианами.

Суббота, 15 мая. Я ехал из Хартфорда в Хеврон; по дороге был несколько подавлен; в собственных глазах казался себе отвратительным, в сердце ощущал гордость и упрямство. Право, я никогда не видел такой недели, как эта, потому что был почти готов умереть от осознания порочности своего сердца. Я и подумать не мог, что во мне столько смерти. О, если бы Бог спас мою душу!»

В течение следующих трёх дней (которые он провёл в Хевроне, Ливане и Норвиче) он по-прежнему жалуется на уныние и одиночество, говорит о том, что чувствует себя отвратительным и хочет спрятаться в какой-нибудь пещере или норе, но при этом каждый день находит в себе силы, чтобы утешиться и освежить душу.

«Среда, 19 мая. (В Миллингтоне) Сегодня утром я чувствовал себя таким одиноким, что в душе у меня поселился какой-то ужас. Увы! Когда Бог отворачивается, что может утешить душу?»

В последующие восемь дней он пишет более спокойно и утешительно, в его религиозных размышлениях больше жизни, пылкости и нежности.

Пятница, 28 мая. (В Нью-Хейвене) Кажется, я ещё никогда в жизни не чувствовал себя таким спокойным. Я радовался смирению и тому, что могу полностью и без остатка посвятить себя Богу».

В течение трёх последующих дней, по его словам, он пребывал в том же прекрасном расположении духа, о котором писал ранее, но, похоже, не в такой степени.

Вторник, 1 июня. Много молился в семейном кругу и получил утешение в уединении. Сегодня утром я получил огромное ободрение от Слова Божьего, которое показалось мне особенно сладостным. Мне открылись некоторые вещи, казавшиеся таинственными. О, если бы Царство дорогого Спасителя пришло с силой и если бы целительные воды святилища разлились по всему миру для исцеления народов! Прибыл в Риптон, но чувствовал себя очень слабым. Однако вечером меня навестили несколько молодых людей, и я помолился вместе с ними».

В оставшейся части этой недели он пишет о том, что был сильно отвлечён от религиозных дел из-за сильной слабости и необходимости заниматься неотложными делами. Он жалуется на то, что у

него мало сил для служения, но при этом отмечает, что Бог показал ему, что он подобен беспомощному младенцу, брошенному в чистом поле.

«День Господень, 6 июня. Я чувствую себя очень покинутым: но всё это учит меня моему ничтожеству и мерзости больше, чем когда-либо.

Понедельник, 7 июня. Чувствовал себя бессильным в тайной молитве. Потом я молился и беседовал с какой-то маленькой жизнью. Бог кормит меня крохами. Благословенно Его имя за что бы то ни было. Я испытывал огромное желание, чтобы все Божьи люди знали, какой я ничтожный, жалкий и презренный. Чтобы они увидели, что я пустое место, и молились за меня по-настоящему, не полагаясь на меня ни в чём.

Вторник, 8 июня. В этот день я наслаждался одним из самых милых и драгоценных моментов в своей жизни: никогда ещё мне не было так сладко быть ничем, и даже меньше, чем ничем, и чтобы меня считали ничем».

В последующие три дня он жалуется на одиночество и отсутствие рвения в религии, но его дневник показывает, что каждый день его сердце было посвящено религии как его главному и, по сути, единственному делу.

«Суббота, 12 июня. Сегодня утром я много молился и ощутил неиссякаемое стремление к Богу. Весь день меня не покидало это чувство. Я задавался вопросом, как живут бедные души, у которых нет Бога. Мир со всеми его радостями исчез. Я чувствую себя очень беспомощным, но у меня есть благословенный Бог, к которому я стремлюсь. Я очень хочу раствориться в Нём, быть со Христом, узреть Его славу. О, моя слабая, измученная душа жаждет попасть в дом моего Отца!

День Господень, 13 июня. Во время общественного богослужения я ощущал спокойствие и смирение. Во время причастия я почувствовал себя ничтожным и бесполезным. О, если бы я всегда мог лежать ниц в прахе. Моя душа, казалось, неуклонно стремилась к Богу, желая жить ради Него.

Понедельник, 14 июня. Почувствовал сладость единения с Богом и сдерживающую силу Его любви. Как чудесно она пленяет душу и заставляет все желания и чувства сосредотачиваться на Боге! Я посвятил этот день тайному посту и молитве, прося Бога направить меня и благословить на великое дело, которое я задумал, — проповедь Евангелия. Я молился о том, чтобы Господь вернулся ко мне и явил мне Свой лик. Утром я чувствовал упадок сил, но ближе к полудню Бог дал мне возможность горячо молиться за отсутствующих друзей. Но ближе к ночи Господь чудесным образом посетил меня во время молитвы. Думаю, моя душа никогда ещё не испытывала таких мук. Я не чувствовал никаких ограничений, потому что мне открылись сокровища Божественной благодати. Я молился за отсутствующих друзей, за спасение душ, за множество несчастных душ и за многих, кого я считал детьми Божьими, живущих в самых разных уголках мира. Я был в таком смятении с половины второго до почти полной темноты, что взмок от пота, но мне всё равно казалось, что я потратил день впустую и ничего не сделал. О, мой дорогой Иисус, Ты пролил кровь за эти несчастные души! Я жаждал большего сострадания к ним. Я всё ещё пребывал в сладостном состоянии, ощущая божественную любовь и благодать, и лёг спать с сердцем, обращённым к Богу.

Вторник, 15 июня. Я испытывал самое сильное желание соединиться с Богом, какое только было в моей жизни. В полдень, уединившись, я не мог ничего делать, кроме как в сладостном спокойствии говорить моему дорогому Господу, что Он знает, что я не стремлюсь ни к чему, кроме Него, ни к чему, кроме святости; что Он дал мне эти желания и только Он может дать мне то, чего я жажду. Я никогда ещё не был так оторван от самого себя и не был так всецело предан Богу. Большую часть дня моё сердце было поглощено Богом. Вечером мне показалось, что душа моя как бы расширилась, чтобы вместить в себя больше святости, и что она вот-вот отделится от моего

тела. Тогда я в муках молил о Божественных благословениях, и моё сердце было преисполнено молитвой за некоторых христианских друзей, как никогда прежде. — Сейчас я чувствую себя иначе, чем когда бы то ни было, даже в самые радостные моменты. Я ещё больше стремлюсь жить для Бога и меньше доволен своим телом. Я не доволен своим телом и после таких мук чувствую себя не лучше, чем раньше, потому что мне кажется, что этого слишком мало, если бы я всегда мог быть таким. О, как мало я исполняю свой долг даже в самые прекрасные моменты!»

В своём дневнике за два следующих дня он пишет примерно то же самое, но в гораздо менее восторженном тоне.

Пятница, 18 июня. Учитывая мою полную непригодность к работе в сфере служения, мою нынешнюю апатию и полную неспособность что-либо сделать во славу Божью, я чувствую себя совершенно беспомощным и не знаю, что сделать для Господа. Я посвятил этот день молитве и большую часть времени провёл в этом занятии, но, как ни странно, большую часть дня чувствовал себя опустошённым. И всё же однажды я ощутил близость Бога. Когда я молил о большем сострадании к бессмертным душам, моё сердце словно открылось, и я смог пролить слёзы с большим пылом, и так продолжалось несколько минут. О, как мне было горько думать о том, что я приношу такие мёртвые, холодные дары живому Богу! Моя душа словно жаждала святости, жизни в постоянной преданности Богу. Но иногда я почти теряюсь в погоне за этим блаженством и готов сдаться, потому что постоянно не достигаю цели и не получаю желаемого. О, если бы Господь помог мне продержаться ещё немного, пока не наступит счастливый час избавления!

Суббота, 19 июня. Чувствовал себя очень разбитым, настроение было подавленное. Но всё же я наслаждался некоторой свободой и умиротворением, исполняя свои религиозные обязанности. Благословен Бог.

День Господень, 20 июня. Много времени провёл в одиночестве. Моя душа жаждала святости и стремилась к Богу, но, казалось, не получала желаемого. Я изнывал от голода и жажды, но не находил покоя и удовлетворения. Моя душа зависела от Бога, как от единственной опоры. О, если бы я мог с каждым днём всё больше возрастать в благодати!»

На следующий день он пишет о том, что ему помогают в учёбе, а также о силе, пылкости и утешении в молитве.

Вторник, 22 июня. Утром около двух часов провёл в молитве и размышлениях, испытывая при этом большое удовольствие. Ближе к вечеру почувствовал, как душа моя в тайном уединении предаётся тоске по Богу. Вечером я был спокоен и смиренно покорился воле Божьей. Я смог оставить себя и все свои заботы в Его руках и полностью положиться на Него. Моё тайное уединение очень освежило мою душу. Я понял, какое это счастье — иметь Бога своим наставником, и предпочёл бы быть любым другим существом в этом низшем мире, лишь бы не лишиться возможности наслаждаться Богом. Я предпочёл бы быть зверем, а не человеком без Бога, если бы мне предстояло жить здесь вечно. Господи, будь ко мне ещё ближе!»

В своём дневнике за следующие семь дней он описывает различные духовные упражнения. Он говорит о сильном стремлении к Богу и святости, о искреннем желании обратить других, о неистовой молитве, о силе бороться с Богом, о самообладании, утешении и сладости, которые время от времени его охватывают, но при этом он ощущает мерзость своего сердца и горько жалуется на свою бесплодность и на то, что смерть всё ближе и ближе. Он говорит, что «ясно видел, что всё, что он обретал, было лучше ада, но даровано ему по благодати». Он жалуется на то, что слишком низок, что он не соответствует образу дитя Божьего, и порой бывает очень подавлен и удручен.

«Среда, 30 июня. Провёл этот день в одиночестве в лесу, в посте и молитве. В некоторых отношениях я переживал самые страшные душевные терзания в своей жизни. Я казался себе

таким ничтожным, что был готов сказать: “когда-нибудь попаду я в руки Саула”. Я думал и почти уверился в том, что не в силах отстаивать дело Божье, и был почти “боязлив до дрожи”. Почти весь день я провёл в непрестанной молитве. Мне было невыносимо думать о том, что христиане относятся ко мне с каким-то почтением. Я почти отчаялся принести хоть какую-то пользу этому миру. Я не мог испытывать ни надежды, ни утешения в отношении язычников, которые раньше давали мне хоть какую-то передышку в самые мрачные моменты. Я провёл этот день в горестных раздумьях. Ближе к ночи мне стало немного легче, и я с наслаждением предался тайной молитве.

Четверг, 1 июля. Этим утром молитва была приятной. — Сегодня вечером я чувствовал себя очень сладко в тайной молитве и ничего не желал так горячо, как Бог должен поступить со мной так, как Ему угодно.

Пятница, 2 июля. Утром ощущал умиротворение во время тайной молитвы. — В этот день, пока я был в пути, мои желания возносились к Богу, а вечером я чувствовал себя спокойно. Благословен Бог за все мои утешения.

Суббота, 3 июля. Моё сердце, казалось, снова упало. Позор, которому я подвергся в колледже, казалось, ослабил меня; поскольку это открывает рты противников. У меня не было иного прибежища, кроме как в Боге. Да будет благословенно Его имя, чтобы я мог обращаться к Нему в любое время и находить у Него скорую помощь.

День Господень, 4 июля. Мне была оказана значительная помощь. Вечером я уединился и провёл счастливое время в тайной молитве. Богу было угодно дать мне возможность испытать свою веру, и это приблизило ко мне невидимый и вечный мир, который предстал передо мной во всей своей красе. Я надеялся, что моё утомительное странствие по миру будет недолгим и что вскоре я вернусь в свой небесный дом, к Отцу. Я смирился с Божьей волей, с тем, что мне предстоит пробыть здесь столько, сколько Он соизволит, делать то, что Он повелевает, и терпеть то, что Он повелевает. Я был благодарен Богу за все свои недавние попытки уйти от Него, потому что, как мне кажется, они помогли мне стать более смиренным и покорным. Мне было приятно быть ничтожеством, лежать в прахе. Я наслаждался жизнью и утешением, молясь за дорогих детей Божьих и за Царство Христово в мире. Моя душа жаждала святости и общения с Богом. О, приди, Господь Иисус, приди скорее!»

Судя по его дневнику за оставшиеся дни этой недели, он был вполне спокоен и невозмутим, а в молитве проявлял кротость и рвение.

«День Господень, 11 июля. Утром я был одинок и крайне подавлен. Во второй половине дня у меня появились силы и поддержка, и я смирился. Я увидел, что веду себя крайне недостойно».

В течение следующих двух дней он пишет о внутреннем спокойствии, смирении и вере в Бога.

«Среда, 14 июля. Чувствовал какую-то смиренную покорность и умиротворение: провёл много времени в уединении, полностью отдавшись Господу. — Ближе к ночи слушал проповедь мистера Беллами: было очень приятно. Часть времени я жаждал более тесного общения с Богом».

В последующие четыре дня он пишет о чувстве глубокого утешения и воодушевления, которое он испытывал во время христианских бесед и религиозных упражнений.

«Понедельник, 19 июля. Кажется, что мои желания особенно исполняются после того, как я отрекаюсь от мира, становлюсь совершенно безразличным к нему и даже готовлюсь к распятию по отношению ко всем его соблазнам. Моя душа жаждет почувствовать себя странником и чужеземцем здесь, на земле, чтобы ничто не отвлекало меня от пути через пустыню одиночества, пока я не достигну дома моего Отца.

Вторник, 20 июля. Было приятно отдать себя Богу, позволить Ему распоряжаться мной по Своей воле. Я ощутил всю прелесть того, чтобы быть странником на земле».

На следующий день он заявляет о своём намерении полностью посвятить себя Богу. Судя по его дневнику, весь день он провёл в усердных религиозных занятиях, которые принесли ему огромное удовлетворение.

«Четверг, 22 июля. По пути из Саутбери в Риптон я заехал в один дом, где меня очень радушно приняли и накормили. Я был поражён и пристыжен тем, что Бог побуждает людей проявлять столько доброты к такому ничтожеству, как я. Я в какой-то мере осознал, насколько это отвратительно — не быть полностью преданным Богу. Я удивлялся, что Бог позволяет кому-то из Его созданий время от времени кормить и поддерживать меня».

В его дневнике за следующие шесть дней описаны различные упражнения и переживания, такие как умиротворение и пылкость духа во время размышлений и молитвы, отрешённость от мира, ощущение себя странником и чужеземцем на земле, сосредоточенность на том, чтобы посвящать Богу каждую минуту своего времени, и так далее.

«Четверг, 29 июля. Я прошёл проверку в Ассоциации, собравшейся в Дэнбери, на предмет моих знаний и религиозных переживаний и получил от них разрешение проповедовать Евангелие Христово. После этого я почувствовал глубокую преданность Богу. Мы с одним из священников, моим другом, помолились в удобном месте, а потом я лёг спать, решив посвятить Богу все свои дни».

Продолжение следует

<https://outpouring.ru/news/2026-05-23-17649>